

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 652(510)

В.М. КАПИЦЫН, профессор, д.полит.н., профессор кафедры
сравнительной политологии факультета политологии
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова», г. Москва, Ломоносовский проспект, 27
Электронный адрес: kapizin@yandex.ru

ЯО ВАН, стажер кафедры социологии и политологии Института
переподготовки и повышения квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 52
Электронный адрес: msu.debate@gmail.com

СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН КИТАЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Актуальность проблемы и методология

В политическом плане Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее – СУАР) занимает место ключевого региона для сохранения единства Китайской Народной Республики (далее – КНР), подтверждения состоятельности национальной политики, укрепления связей со странами Центральной Азии и Россией. Освоение богатых природных ресурсов в СУАР, а также инвестирование в разработку полезных ископаемых в соседних странах усиливает значение геополитических интересов КНР как великой континентальной державы. Для КНР контроль над этой частью Евразии стал вопросом выживания и успешного

Авторы рассмотрели специфику самоуправления в контексте национально-территориальной автономии Синьцзяна как института национальной и региональной политики КНР, учитывающей экономические и политические условия, исторические, демографические и социокультурные особенности народов, населяющих этот регион. Совершенствование нормативно-правовой базы с учетом геополитических реалий и социокультурного контекста помогает проводить эффективную национальную и региональную политику.

Ключевые слова: территориальное самоуправление; национально-территориальная автономия; Конституция КНР; Синьцзян; уйгуры; хань

развития. Происходящее возвращение под суверенитет КНР некоторых территорий Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана имеет смысл только при успешном развитии Синьцзяна как неотъемлемой части Китая. Следует учесть и возрастающий интерес США (в значительной степени из-за близости к Ирану), а также традиционный интерес России к этому региону, чтобы понять геополитическое значение Синьцзяна.

В последнее время проблема территориальной автономии актуализируется некоторыми англоязычными авторами в таком ракурсе – повлияет ли «арабская весна», приведшая к крушению авторитарных режимов, на изменение политического режима в Китае [11, с. 256].

В этих контекстах в настоящей статье рассматривается территориальное управление и самоуправление СУАР как важнейший аспект региональной и национальной политики КНР. Территориальная автономия рассматривается нами, прежде всего, как институт национальной политики КНР. СУАР – один из наиболее сложных в этнонациональном и историческом отношении регион. Синьцзян граничит с Пакистаном, Афганистаном, Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном, Монголией, Индией, Россией. Если обратиться к истории, то в свое время на части этой территории существовали отдельные государства, в том числе под эгидой уйгурских властителей, что является для некоторых сил в Синьцзяне одним из символов сепаратизма.

Гипотеза исследования такова: Коммунистическая партия Китая (далее – КПК) и правительство КНР создают необходимые и в целом достаточные институты, позволяющие проводить эффективную национальную политику, сохраняя единство государства, поддерживая общественный порядок, повышая уровень жизни населения, оберегая самобытные культуры народов СУАР, при этом решая и геополитические задачи государства. Успех национальной политики в СУАР во многом определяет решение национального вопроса для остальных национальных районов, а также влияние КНР в Центральной Азии.

В качестве методов исследования использованы институциональный, сравнительный (диахронический и синхронический), ценностно-нормативный, структурно-функциональный, институциональный, формально-юридический.

Особенности терминологии

Термины «управление» и «самоуправление» используются в КНР в разных контекстах; их содержание переплетается и взаимопроникает, включая в себя региональные и этнонациональные контексты, так что не может в полной мере соотноситься с содержанием привычных европейских понятий «государственное» управление» и «местное самоуправление». Другими словами, понятие «территориальное самоуправление» в Китае в значительной мере означает решение вопросов региональной и национальной политики.

Эти понятия в КНР употребляются, прежде всего, в связи с «национально-территориальной автономией». Там, где велика численность национальных меньшинств, учреждены автономные районы, автономные округа, автономные уезды, которые наделяются более широкими правами самоуправления, чем другие территории (провинции, округа). Это закреплено в Конституции

КНР (гл. III, параграф 6 «Органы самоуправления национальных автономных районов») [4]. Это связано не только с политическими, но и лингвистическими обстоятельствами. В китайском языке слово «цзычжицзюй» («автономный район») соответствует «дифанцзычжи», означающему и «местное самоуправление», и «территориальное самоуправление», что вызывает некоторые разночтения в интерпретации.

Есть и другие значения понятия «самоуправление», например локальное управление в специальных административных районах, каковыми являются Гонконг и Аомынь (Макао), бывшие колонии Британии и Португалии. Там сложилась своя система, отличающаяся от остальных районов КНР. Еще одно значение понятия «самоуправление» – осуществление населением местного самоуправления на базовом уровне – в селах и жилых районах городов. КПК поставила задачу создать в каждом городе, уезде, деревне единицы самоуправления. Эта задача была постепенно реализована. Вообще в КНР опыт самоуправления внедряется постепенно (так называемый «градуализм» в подходе к реформам, или «реформы по нарастающей»): после апробирования в отдельных регионах элементы самоуправления распространяются по всей территории КНР. Это соответствует современным задачам развития страны, что признано специалистами конституционного и муниципального права [1, с. 500-501; 6; 10].

Формирование национально-территориальных автономий в Китае

КПК только частично восприняла теорию национального самоопределения, разработанную в СССР. Внимание партии было обращено на устройство национальных автономий (республик и областей) и национальных районов. Уже в 1930-х гг. КПК отказалась от широко понимаемой идеи национального самоопределения, уточнив, что национальные меньшинства имеют только право создать свои национально-территориальные автономии [10, с. 4]. После освобождения всей страны и образования КНР (1949 г.) для обеспечения единства и стабильности страны решили не заимствовать федеративное устройство и не закреплять юридически право наций на самоопределение. Было подчеркнуто, что Синьцзян, как и другие национальные регионы страны, является неотделимой частью КНР. В 1952 г. центральное правительство приняло «Программу осуществления национального территориального самоуправления в КНР», где определило образование районов национальной автономии [6, с. 85]; постоянно дорабатывались нормы Конституции КНР о национально-территориальном самоуправлении. 31 мая 1984 г. был принят Закон КНР «О национально-территориальной автономии», существенные дополнения в который были внесены в 2001 г. (далее – Закон КНР 2001 г.).

Национально-территориальная автономия в КНР решает ряд задач:

- поддерживает баланс национально-государственного единства КНР и прав национальных меньшинств;
- обеспечивает несколько уровней территориального самоуправления в автономиях (район, округ, уезд);
- позволяет формировать представительство национальных меньшинств при назначении кадровых работников;

- дает возможность закрепить более высокий объем законодательных и других нормоустанавливающих полномочий в автономных районах (а внутри них в округах и уездах), по сравнению с другими регионами КНР;
- создает благоприятные условия для отправления религиозных культов национальных меньшинств.

Согласно Закону КНР 2001 г. территориальное самоуправление – «право самоуправления, используемое органами власти автономных территорий для управления внутренними делами народности и территории, осуществляемое в соответствии со специфическими условиями и особенностями данной народности и территории через собрание народных представителей и народное правительство данной территории». Органы власти автономных территорий сочетают в себе полномочия региональных органов власти КНР и органов самоуправления. Так обеспечивается учет интересов и прав национальных меньшинств. Территориальное самоуправление помогает «быть хозяином в собственном доме» (местах компактного проживания), соединяя идеи национальной и территориальной автономии.

В процессе исторического развития Китая сложилось смешанное проживание различных народностей, в то же время часть их компактно проживает в некоторых районах (округах, уездах), что и учитывается Конституцией КНР, Законом КНР 2001 г. и реализуется в региональной и национальной политике. В КНР создано 5 автономных районов (Синьцзян-Уйгурский, Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Гуанси-Чжуанский), 30 автономных округов и более 120 автономных уездов. Площадь автономных районов составляет около 64% всей территории КНР [3].

Синьцзян – характерный пример национально-территориального района. Это название территории, составляющей 1/6 часть территории всей КНР, где преобладающее национальное меньшинство из 47 народностей – уйгуры – народ тюркской языковой группы и, как правило, исповедующий ислам. По переписи 2000 г., уйгуров в СУАР – более 8,3 млн (свыше 45% всего населения района). Из остальных наиболее многочисленных народов СУАР населяют: ханьцы (хань – собственно китайцы) – 7,4 млн, казахи – 1,2 млн. Неслучайно Синьцзян называли «Восточный Туркестан»: здесь много народов из Центральной Азии (казахи, узбеки, киргизы, таджики), дунгане, монголы, а из немногочисленных диаспор – 9 тыс. русских и 4,5 тыс. татар. Опыт территориального управления и регулирования национальных отношений с помощью национально-территориального самоуправления в СУАР интересен для многих стран, в том числе для России, Казахстана и других государств Центральной Азии.

Согласно положениям Закона КНР 2001 г., национально-территориальная автономия (территориальное самоуправление) создается на основе одной или нескольких территорий компактного проживания национальных меньшинств исходя из состояния межнациональных отношений, уровня экономического развития, исторического пути, пройденного народами. Национально-территориальные автономии в виде районов, округов и уездов могут, с учетом фактической социально-географической и демографической ситуации в регионе, включать часть поселений или городов, где заметная часть населения является компактно

проживающими представителями национального меньшинства [6]. В соответствии со ст. 115 Конституции КНР органы самоуправления автономных районов, автономных округов и автономных уездов осуществляют полномочия местных государственных органов, предусмотренные в разделе 5 гл. III Конституции КНР, а также пользуются правом на самоуправление в пределах компетенции, установленной Конституцией КНР, Законом КНР 2001 г. и другими законами, последовательно претворяют в жизнь законы государства и политические установки с учетом конкретных местных условий.

Национально-территориальные автономии СУАР осуществляются на трех территориальных уровнях: автономные районы, автономные округа и автономные уезды, где компактно проживают разные национальности. Этим обусловлена разнородная структура национально-территориального устройства внутри СУАР, включающая 5 автономных округов: Или-Казахский (здесь вторым по величине этносом после ханьцев являются казахи); Боро-Тала-Монгольский (численность национальных групп в порядке убывания: ханьцы, уйгуры, казахи, монголы и др.); Баянгол-Монгольский (численность в порядке убывания – ханьцы, уйгуры, дунгане, монголы); Чанцзи-Хуэйский (второй по величине этнос после ханьцев – дунгане); Кызылсу-Киргизский (на первом месте по численности уйгуры, на втором – киргизы). 6 автономных уездов, выделенных исходя из национально-территориального принципа, обеспечивают автономное управление других национальных меньшинств, помимо уйгуров. Кроме того, в составе автономного района имеются еще 7 округов, 4 города, подчиненных автономному району, 16 городов окружного подчинения и 62 уезда.

В СУАР функционирует и особая единица административно-территориального характера – Синьцзянский производственно-строительный корпус, включающий множество сельскохозяйственных полков, промышленных, строительных, транспортных, торговых предприятий и даже учебные заведения. Известный Шихэцзыский университет («жемчужина Гоби») работает под руководством Министерства просвещения Китая и Синьцзянского производственно-строительного корпуса.

Корпус сформирован 7 октября 1954 г. из демобилизованных военнослужащих нескольких военных частей. Во время «культурной революции» его ликвидировали, а в 1981 г. восстановили. Ранее такие корпуса располагались в нескольких пограничных районах КНР: Тибете, Внутренней Монголии, Хэйлунцзяне, Юньнани; но в настоящее время такой корпус есть только в СУАР. По своей номенклатуре корпус ближе всего к народному ополчению (по своим функциям скорее напоминает российские казачьи войска дореволюционного периода). Корпус – важная составная часть экономики и управления современного Синьцзяна. Он помогает заниматься строительством, обеспечивать население продовольствием (продуктами растениеводства и животноводства), промышленными товарами, услугами, обучать население сельскому хозяйству и строительству. Кроме того, он помогает поддерживать правопорядок и стабильность в приграничных районах, бороться с национальным сепаратизмом. В нем служат (работают) более 2,2 млн чел., в основном ханьцы (0,3 млн ополченцев других национальностей) [8, с. 120].

Методы национальной политики в СУАР

Важное направление региональной и национальной политики в КНР – управление в автономных районах с помощью национальных кадров. При этом используется национальный язык для ведения документации, учитываются обычаи и традиции данной народности. Этот вопрос затрагивался еще в «Экспериментальном проекте по вопросам подготовки кадров из национальных меньшинств», утвержденном 24 ноября 1950 г. [2, с. 64]. В 1952 г. были приняты «Основные принципы осуществления районной национальной автономии в КНР». Ст. 121 Конституции КНР закрепила положение об использовании языков национальных меньшинств органами самоуправления в территориальных автономиях.

Закон КНР 2001 г. содержит требования учитывать при комплектовании Собрания народных представителей (далее – СНП) пропорциональное соотношение представителей народностей и национальных меньшинств. Кандидатуры в СНП определяются в соответствии с принципами и нормами, закрепленными в Конституции КНР (ст. 113) и Законе 2001 г. Выборы кандидатур возлагаются на постоянные комитеты СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Затем информация доводится до сведения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП). В СНП национальных автономных территорий председатель и заместитель председателя должны быть граждане, представляющие народность, пользующуюся правом национально-территориальной автономии.

При этом состав правительства СУАР, органов исполнительной власти автономных округов и автономных уездов должны комплектоваться так, чтобы представители народности, пользующейся правом автономии, а также других национальных меньшинств были представлены в разумных соотношениях. В СУАР в настоящее время кадры – представители национальных меньшинств – на уровне окружения председателя и его заместителей занимают около 60% государственных должностей, а в общем по автономному району – порядка 80% начальников уездов, мэров городов и глав сельских районов – это кадры из национальных меньшинств. В настоящее время в СУАР работает 363160 административных кадров из числа национальных меньшинств (52% общего числа сотрудников автономного района).

В целях реализации права на самоуправление органы самоуправления СУАР наделены полномочиями, по объему превосходящими полномочия других регионов материкового Китая. СНП СУАР пользуется правами принятия административных актов регионального уровня наравне с аналогичными СНП провинций, не имеющих автономии, но, помимо этого, имеет право принятия уставных положений и специальных предписаний именно для автономии. Эти акты связаны со спецификой политического, экономического и культурного устройства народностей, проживающих на территории. Другие уровни национально-территориальных автономий (округа и уезды) обладают также более широкими нормоустанавливающими правами, по сравнению с территорией аналогичного уровня, не имеющей автономии. В обычных регионах нормативные акты местного значения могут приниматься только органами

государственной власти провинции, а в уездах, имеющих статус национально-территориальной автономии, органы самоуправления имеют право самостоятельно принимать уставные положения.

Следует назвать также право территориального самоуправления на применение нормативных актов, изданных органами вышестоящего уровня, сообразно с местными обстоятельствами. В случаях, если резолюции, решения, приказы, директивы вышестоящих государственных органов в чем-то не соответствуют специфике региона, органы государственной власти (они же органы самоуправления) автономного района могут (с санкции вышестоящего органа государственной власти) применять нормативный акт сообразно обстоятельствам или приостановить его применение. Так, например, в 2002 г. IX съезд СНП СУАР принял «Положения о народонаселении и контроле за рождаемостью в Синьцзян-Уйгурском автономном районе». В ст. 15 Положения говорится: супруги ханьской национальности, проживающие в городах, могут воспитывать одного ребенка; супруги – представители национальных меньшинств могут воспитывать двух детей; занимающиеся сельским хозяйством супруги ханьской национальности могут воспитывать двух детей; представители национальных меньшинств могут воспитывать трех детей. Если один из супругов – представитель национальных меньшинств, то применяются правила для национальных меньшинств.

Согласно положениям Закона КНР 2001 г., в области политического управления национально-автономная территория независимо решает вопросы внутреннего управления для данной национальности в тех рамках, которые дает предоставленное ей право принятия автономных нормативных положений и специальных предписаний. Также и в области экономики национально-территориальной автономии предоставлено право самостоятельной организации, управления и развития. В области культуры в их компетенцию входят вопросы языка и письменности, религии, традиций, образования, науки и техники и т.д. В области социальной жизни – вопросы рождаемости, социального обеспечения, медицины и здравоохранения, улучшения условий жизни и окружающей среды.

Особенно важным является право на использование и развитие национального языка и письменности. В СУАР были приняты нормативные правовые акты – «Временные правила управления использованием национальных языков» и «Положение о работе в области языка и письменности». В официальной переписке и при проведении разного рода собраний на разных административных уровнях в СУАР используются национальные языки автономных народностей и китайский язык. В судопроизводстве гарантируется право национальных меньшинств пользоваться родным языком.

Синьцзян – самый богатый по числу языков регион в КНР, что учитывается в медийной политике. Радиостанция СУАР вещает на 5 языках: уйгурском, китайском, казахском, монгольском, киргизском. Телевидение СУАР ведет программы на уйгурском, китайском, казахском языках. Из 203 периодических изданий 69 издаются на уйгурском языке, 93 – китайском, 32 – казахском, 5 – монгольском и 2 – киргизском языках. Издается газета на сибирском языке (близкий к маньчжурскому языку алтайской группы; носителей языка –

около 30 тыс.; для них создан национально-автономный уезд в СУАР – Чапчал-Сибоский автономный уезд). Это единственная в мире газета на этом языке. В начальных и средних классах общеобразовательных школ СУАР преподавание осуществляется на 7 языках: уйгурском, китайском, казахском, киргизском, монгольском, сибирском и даже на русском (в зависимости от населения, компактно проживающего в уезде). В старших классах школ и учреждениях высшего образования используется 4 языка: уйгурский, китайский, казахский и монгольский.

Были приняты «Временные правила об управлении местами отправления религиозных мероприятий в Синьцзян-Уйгурском автономном районе», согласно которым каждое религиозное объединение может в рамках закона самостоятельно организовывать религиозные мероприятия, издавать религиозную литературу. Власти утверждают необходимое количество мест, где проводятся такие мероприятия, найм необходимых работников с тем, чтобы удовлетворить потребности верующих разных национальностей в нормальном их проведении. В настоящее время в СУАР уже санкционировано учреждение 24100 мест проведения религиозных мероприятий, среди которых 23900 мест для мусульманских церемоний, а также ламаистские храмы, китайские буддийские храмы, протестантские, католические и православные церкви. Некоторые религиозные деятели занимают должности в консультативных советах и в СНП национального и регионального уровней. Органы власти СУАР внесли праздники мусульман курбан-байрам и новруз в число официальных выходных в дополнение к общенациональным выходным дням.

Проблемы и тенденции дальнейшего развития Синьцзяна

Тем не менее, остаются еще нерешенные вопросы. Во-первых, в области развития права. Недостаточна самостоятельность органов национально-территориальной автономии в использовании права нормоустановления. Конституция КНР, Закон КНР 2001 г. и Закон «О законодательной деятельности» 2000 г. предусматривают право СНП автономных территорий на разработку своих уставных положений в соответствии со специфическими потребностями национальностей на данной территории. Но на уровне СУАР, как и на уровне автономных округов и автономных уездов, органы самоуправления далеко не всегда принимают уставные положения автономий. Все это сужает право на территориальное самоуправление.

В жизни некоторых национальностей все еще значительную роль играет обычное право, что мешает применению уголовного закона. Вместе с тем в развитии экономических отношений применение местных национальных обычаев позволяет быстрее решать дела, не относящиеся к числу преступлений и серьезных правонарушений [10, с. 11]. Так что здесь необходимы гибкая политика с учетом этнонациональных особенностей территории, а также серьезный контроль государственных органов.

Во-вторых, Синьцзян пока довольно сильно зависит от государственной помощи из центра. Согласно Закону КНР 2001 г., «по мере развития народной экономики..., финансовые органы высшего уровня последовательно увеличивают масштабы финансовых трансфертов национальным автономным территориям.

Посредством обыкновенных финансовых трансфертов, специальных финансовых трансфертов, льготных финансовых трансфертов, адресованных национальными меньшинствами, а также других мер, определенных государством, увеличиваются капитальные инвестиции... , что позволяет постепенно ускорить сокращение разрыва между национальными автономными территориями и развитыми территориями по показателям экономического развития и общественного прогресса».

В-третьих, в СУАР сохраняются отдельные проявления сепаратизма и воинствующего национализма; иногда случаются и террористические акты, проводимые нелегальными организациями, например, в июне 2013 г. в поселке Луккум округа Шаньшань («Исламское движение Восточного Туркестана»), а также конфликты, в том числе и с жертвами, как это было в июле 2009 г. в г. Урумчи. Подобные организации нагнетают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей в СУАР, оживляют переживание «исторических травм» («войну памяти»). Обращаются при этом к идеологемам, конструируемых путем односторонней интерпретации разных фактов: существования в прошлом независимого государства уйгуров, эксплуатации богатых залежей полезных ископаемых в Синьцзяне, воспоминаниям о прошлых испытаниях атомного (ядерного оружия) на территории СУАР (в свое время там было произведено более 40 испытаний) [7]. Но подобные идеологемы ведут к опасным эксцессам.

Региональная и национальная политика КПК и местного руководства помогает разрешать проблемы. Кооперация с другими провинциями и районами КНР – один из ресурсов существенной поддержки для данного региона. Помощь от прибрежных районов КНР дала СУАР капитал и технику, позволила подготовить квалифицированные кадры. Но СУАР в сравнении с восточными прибрежными регионами страны пока по-прежнему отстает. С одной стороны, это объясняется далеким расположением СУАР от морей, неудобным географическим расположением. С другой стороны, постоянная помощь из центра приучает кадры выжидать и просить помощь из центра, уступая своим коллегам из прибрежных районов в конкурентоспособности.

Необходимо учитывать, что территория КНР расширилась в процессе передачи под ее государственный суверенитет отдельных территорий постсоветских государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, по которым ранее шли пограничные споры. В частности, КНР подписала с Таджикистаном соглашения в 1999 и 2002 гг., в соответствии с которыми под суверенитет Китая перешли земли в Восточном Памире (1 тыс. кв. км). Эти территории граничили с СУАР и, с точки зрения географической, демографической и национальной, должны входить в состав этого автономного района. Туда переселяются как жители СУАР, так и с других территорий КНР; на них распространяются режим территориальной автономии и самоуправления и соответствующая национальная политика.

Руководство КНР, согласно отчету XVIII съезда КПК, предписывает укреплять и совершенствовать систему национального территориального самоуправления. Но разговоры о предоставлении политической автономии нецелесообразны, поскольку такие формы межнациональных отношений могут привести к цепной реакции, вплоть до стремления автономий к полной поли-

тической независимости, конфликтам на национальной почве, вынужденной миграции, разрыву экономических связей. Подобные процессы уже прошли в СССР, затем в России и Грузии, а, в той или иной степени, их последствия почувствовали на себе жители на всем постсоветском пространстве.

В публичном режиме будут продолжаться обсуждения территориального самоуправления. Первый заместитель руководителя отдела по делам Единого фронта ЦК КПК Чжу Вэйцзюнь пишет о том, что эффективность конкретных политических решений, реализуемых в рамках автономий, является неодинаковой. Необходимо развивать, совершенствовать и дополнять эту систему согласно требованиям времени [9, с. 16].

Большее внимание необходимо уделить вопросам национальной самоидентификации и толкованию понятия «нация». В академической среде специалисты приходят к согласию в вопросе о национальной самоидентификации 56 национальных меньшинств в КНР. Здесь нужно последовательно «избавляться от политизации вопроса», от понятия «политическая нация». Основное внимание следует уделить развитию представлений о культурной самоидентификации, уважению к различным культурным традициям [5, с. 19].

Следует поддерживать настроения сотрудничества народов в СУАР, как во всей КНР, в том числе необходимо признание значения автономии со стороны ханьцев. По мере роста популярности внутреннего туризма все больше населения из восточных районов приезжает в СУАР, что способствует взаимопониманию культур. Развитие потенциала автономии требует последовательного расширения полномочий территориального самоуправления СУАР в вопросах внешней торговли, поддержки самостоятельного развития СУАР, содействия воспитания кадров, а также трудовой миграции из Синьцзяна в города внутренних регионов КНР.

В целом исследование подтверждает начальную гипотезу. КПК и правительство КНР в своей национальной и региональной политике, учитывая современные идеологические и геополитические реалии, проводит достаточно эффективную национальную и региональную политику, позволяющую сохранять единство государства, поддерживать общественный порядок, поднимать уровень жизни и сохранять самобытные культуры народов Синьцзяна, усиливать влияние КНР в Центральной Азии.

Список литературы

1. *Арбузкин А.М.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2005.
2. *Го Хунся.* Реализация политики Коммунистической партии Китая в отношении автономии национальных районов на примере Синьцзяна и ее крупнейшие успехи // *Синьцзян шэксюэ.* 2005. № 5. С. 63-66.
3. *Китайский* информационный Интернет-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.org.cn> (дата обращения: 23.03.2013).
4. *КНР.* Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1984 (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legal-way.ru/Zakon.php> (дата обращения: 25.07.2013).

5. *Ма Жун*. История и текущее состояние национального вопроса в Китае // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. 2011. № 9. С. 15-20.
6. *Мельников А.П.* Система местного управления и самоуправления в КНР // Философия и соц. науки. 2008. № 3. С. 82-86.
7. *Современный Китай: социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология* / под ред. Д.Я. Буярова. 2-е изд. М.: Красанд, 2013. 296 с.
8. *Сыроежкин К.Л.* Китай: военная безопасность. Алматы: Казахстан. ин-т стратег. исслед. при Президенте Респ. Казахстан, 2008. 268 с.
9. *Чжу Вэйцюнь*. Размышления о нескольких вопросах, связанных с национальной работой на нынешнем этапе // Чжунг отунъи чжаньсянь. 2011. № 14. С. 15-17.
10. *Чжэн Кай*. Национально-территориальная автономия в КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
11. *Hess St.* From the Arab Spring to the Chinese Winter: the Institutional Sources of Authoritarian Vulnerability and Resilience in Egypt, Tunisia, and China // International Political Science Review. 2013. Vol. 34, № 3. P. 254-272.